

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОДХОДОВ*

Представлен социально-философский анализ двух концептов – социальный капитал и человеческий капитал, часто используемых в современных исследованиях некорректно. Делается попытка представления данных ресурсов как интенсивных факторов цивилизационного развития. Предметом анализа являются подходы, представленные в работах Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, а также отечественных философов.

Ключевые слова:

инновации, интенсивный фактор, национальная культура, социально-философский анализ, социальный капитал, творческая элита, цивилизационное развитие, человеческий капитал.

Романенко И.Б., Соломин В.П., Султанов К.В. Социальный и человеческий капитал: дифференциация подходов // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 102–105.

- © Романенко Инна Борисовна – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: in_romanenko@rambler.ru
- © Соломин Валерий Павлович – доктор педагогических наук, профессор, ректор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник науки и техники, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: rector@herzen.spb.ru
- © Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

Обращение к понятиям социальный капитал и человеческий капитал в ряде работ последних десятилетий связано с необходимостью осмысления значимых факторов цивилизационного развития, ведущих к появлению прорывных достижений в экономике и социальной сфере. Ф. Фукуяма вводит и концептуализирует понятие «социальный капитал». Определяя современный этап развития общества как «культуру радикального индивидуализма» [9, с. 15–16], американский философ исходит из того, что люди по своей природе – существа социальные, поэтому их побуждения и инстинкты направлены на создание моральных правил и норм, скрепляющих образуемые общности. Поэтому естественным состоянием человека является не «война всех против всех» (Томас Гоббс), а упорядоченное и структурированное наличие множества моральных правил и законов гражданское общество. Жизнь человека и его семьи в таком обществе детерминирована не только иерархически организованной бюрократической властью, но в то же время является результатом *самоорганизации людей* в различных сферах и видах деятельности.

Социальный капитал выражается в способности людей самоорганизовываться в самостоятельные ассоциации, группы, объединения, кооперации, самостоятельно вырабатывать нормы сотрудничества и взаимодействия, а также готовность им

следовать [3, с. 150]. Данная система организации отношений открывает дополнительные возможности и приносит ощутимые преимущества, осуществляя выстраивание неформальных связей, личных контактов, системы доверия, моральных стандартов поведения, служащих долгосрочным интересам и потребностям.

Система образования на различных ее уровнях также генерирует социальный капитал, позволяя, например, студентам не только получать знания и навыки деятельности в определенной сфере, но и приобщаться к социальным нормам своей специальности, приобретая профессиональную и научную культуру. Данная группа молодых людей является лучше социализированной и сформированной обществом, чем та часть молодежи, которая не прошла через систему высшего образования [1, с. 150; 6, с. 85].

Основания для подобной системы отношений сложились в истории западноевропейского общества еще в эпоху Средневековья. С. Хантингтон определяет исторически сложившееся западное общество как «в высшей степени плюралистичное», отмечает сам факт существования разнообразных автономных групп, не основанных на кровном родстве и узах брака, начиная с VII–VIII веков в форме монашеских орденов, профессиональных гильдий, монастырей, а в XII–XIII веках – в виде университетов. Наряду с союзным плюрализмом существо-

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10698 «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала в современном российском образовании».

вал классовый плюрализм (в виде влиятельных феодальных аристократий, достаточно сплоченного сословия купцов и торговцев с выраженным стремлением к самоорганизации). Социальный плюрализм впоследствии привел к возникновению представительных органов (парламентов и др. институтов), призванных выражать интересы различных групп населения (аристократов, духовенства, купцов и др.) [11, с. 99–100]. В этом смысле понятен и вывод С. Хантингтона о том, что «ни одна другая современная цивилизация не имеет даже сравнимой тысячелетней истории в области представительных органов. На местном уровне начиная с XIX века также стали возникать органы самоуправления, сначала в итальянских городах, а затем они распространились на север... Таким образом, представительство на национальном уровне дополнялось значительной автономией на местном, чего не было в других регионах мира» [11, с.100].

Распространение протестантизма привело к усилению индивидуализма, традиции индивидуальных прав и свобод. Но одновременно с этим протестантской идеологией поощрялось и стремление людей самоорганизовываться, объединяться в добровольные ассоциации, общины, сообщества, преследующие различные цели и вырабатывающие собственные методы их достижения. Значительных масштабов указанные процессы достигли в США, оказав влияние на становление гражданского общества, которое отличалось относительной политической стабильностью, экономическим ростом и распространением демократических институтов. В то время как политическая и государственная жизнь в странах Латинской Америки формировалась и развивалась под воздействием римско-католических традиций Испании и Португалии. Ф. Фукуяма поясняет в данной связи, что «имперские ... римско-католические традиции Испании и Португалии, напротив, усиливали зависимость от крупных, централизованных институтов, таких как государство и церковь, ослабляя, соответственно, независимое гражданское общество. Подобные различия мы видим между северной и южной Европой – различие в способности заставить работать современные общественно-политические институты также явилось результатом влияния религиозного наследия и культурной традиции» [9, с. 23].

На фоне существенно модернизированного за истекший XX век евро-американского плюрализма и рационализированного индивидуализма в области прав, свобод, семейно-брачных отношений достаточно контрастно выглядит картина развития граж-

данского общества в России. Многовековой путь культурного развития России привел к оформлению самобытной традиции, во многом усвоившей достижения европейской учености Нового и Новейшего времени. При этом вхождение России в мировое образовательное пространство на рубеже XX и XXI веков имеет свою специфику, которая определяется тем, что российская культура по существу является переходной, сочетающей элементы традиционного и гражданского общества с реликтовыми формами советского и постсоветского государства с характерной для него централизацией и имперскими амбициями. Тут следует подчеркнуть, что обывательские представления о степени и масштабах развития гражданского общества в современной России являются явно преувеличенными. В настоящее время можно говорить лишь о развивающихся формах гражданского общества, еще глубоко неукорененного и, по сути, в различных сферах лишь декларируемого. Несмотря на глубокие изменения, произошедшие в последнее время, в своих общекультурных характеристиках Россия остается постсоветским, во многом традиционным обществом, адаптирующим и развивающим в контексте своей национальной культуры правовые механизмы демократической регуляции гражданских отношений.

Устоявшиеся представления о традиционном обществе как находящемся на уровне доиндустриального развития подверглись в последнее время пересмотру. Социокультурное развитие стран Юго-Восточной Азии подтвердило, что страны с традиционной культурой («системоцентристской ориентации»), в которой традиционные ценности доминируют над индивидуальными, оказались жизнеспособными и в постиндустриальную (информационную) эпоху. Альтернативой традиционному обществу является гражданское общество с персоналистской ориентацией, приоритетом индивидуальной свободы, в котором определяющим механизмом регуляции общественных отношений является *право*. Все эти особенности социально-политического развития России, так или иначе, отражаются на жизни людей, а также функционировании системы образования в условиях глобализации современного мира [8, с. 153–155].

Тем не менее, в строгой форме Россия не принадлежит ни к одному из выше названных типов общества. Являясь трансконтинентальной державой, она обладает трансцендентной по-своему характеру культурой. Также отметим, что российская и западная культуры несколько по-разному смотрят, оценивают и понимают человека,

его связь с миром идей, людей и вещей. Приведем и прокомментируем в данной связи следующее уточнение: «Евро-Атлантическая цивилизация сначала связывает мир людей с миром вещей (рациональная, предметная деятельность), а затем мир вещей с миром идей. Для русской культуры характерно первичное связывание мира людей с миром идей (иррациональная, информационная деятельность)» [4, с. 600]. Достижение смысловой, ценностной определенности является первичным для русской ментальности в отношении различных видов деятельности. Другими словами, если душа у русского человека не «горит», не наполнена жизнеутверждающими смыслами, то и сама жизнь теряет смысл.

Расхождения между западной и русской культурой (как доминирующей на всем пространстве бывшей империи) являются значительными и проходят по линии «цивилизационного разлома», в силу чего западные сценарии решения политических, экономических и духовных проблем невозможно буквально переносить и примерять к российской действительности, на что многократно обращали внимание русские философы (К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др.). Поэтому так актуально звучит предупреждение К.Н. Леонтьева о том, что все западное может быть использовано в России «при соблюдении величайшей осторожности». С. Переслегин данную ситуацию комментирует следующим образом: «исправить «ошибки», вытекающие из цивилизационной парадигмы, практически невозможно: за каждым исправлением будет вырастать новая задача... при любых операциях с русским социумом будет восстанавливаться доменная структура общества и трансцендентный характер его существования» [4, с. 601]. Последнее обстоятельство все более вызывает потребность у наших соотечественников задумываться и вести дискуссии о национальной идее.

Один из коллег удачно пошутил о том, что национальные идеи рождаются на небесах и в философских аудиториях, что в сущности одно и то же, т.к. в современном обществе философ является почти небожителем. Но в каких бы возвышенных и убедительных выражениях ни предлагались формулировки, следует помнить о тех бедах, которые эти самые национальные идеи принесли народам, которые пытались слишком прямолинейно проецировать их на действительность, предпринимая попытки их буквального воплощения на практике. В вопросе об отношении к национальной идее следует соблюдать духовную трезвость. В России в силу сложившейся

ментальности она не может быть связана со стяжанием каких-либо материальных и духовных благ в интересах титульной нации, но может провозглашаться лишь как служение, выполнение миссии международного посредничества, сотрудничества, миротворчества, безопасности в деле достижения идеалов социальной справедливости и их гаранта. Государство традиционно выступало в роли гаранта единства многочисленных племен и народностей. Последнее может быть чревато многими обвинениями в адрес России, подогреваемыми воспоминаниями о ее истории и интерпретациями различных исторических фактов.

Понятие человеческого капитала в технико-инструменталистском ключе было введено и обосновано в работах Т. Шульца, Г. Бэккера, А. Маслоу и др. Человеческий капитал как интенсивный фактор развития социума предполагает эффективность вложения и отдачи в такие социальные сферы как воспитание, образование, здравоохранение, культура, составляя значительную часть в росте национального богатства в развитых странах. Отметим также связь человеческого капитала с экономическими и демократическими свободами, инновациями, креативным мышлением и высокими технологиями, а также необходимость систематических инвестиций в него со стороны государства с учетом часто отложенной по времени отдачи [2, с. 151]. Поддержание высокого уровня культуры и образованности основной части населения страны является необходимым условием для экономического роста, а при необходимости и мощного рывка.

Осознание значимости человеческого капитала как интенсивного фактора цивилизационного развития стало причиной ряда прорывных достижений в экономике и социальной сфере с точки зрения разработки и внедрения инновационных технологий, направленных на получение принципиально новых, значимых результатов, определяющих будущее страны [5, с. 6–7]. Инновационно-креативные установки человеческого капитала (инновационно-креативная аксиосфера) не сводятся к сугубо инструментально-технологическому содержанию, но содержат специфические ценности, к числу которых отнесем следующие:

1) стремление к получению социально значимых результатов;

2) формирование сообществ людей (профессиональных, социальных, политических, досуговых и т.п.) с выраженной инновационно-креативной устремленностью и склонностью к продуктивному, созидательному действию, аккумулярованию новых идей и т.п., обеспечивающих процессы

самосохранения национальных культур, поддержку творческой элиты;

3) открытость к позитивным влияниям со стороны других культур;

4) распознание и усвоение цивилизационно-значимых достижений;

5) способность к конструированию и реализации социально-перспективных проектов;

б) ориентация на национальные стратегии развития и т.д.

В начале XXI века демократия остается идеалом развития общества, хотя не является секретом и то, что в современном мире происходит девальвация веры в демократию. Но демократия как форма государственного и политического устройства социума, основанная на принципах народовластия, равенства и свободы, чьи институты явились продуктом длительного исторического развития, все же является уязвимой и довольно непрочной организацией, способной мимикрировать и подменяться, на что обращал внимание еще Платон в диалоге «Государство» [7, с. 49]. Демократия по сути является идеальным обществом, где выбор свободных людей обеспечивает развитие социума в том или ином направлении и одновременно гарантирует равенство граждан. Но такая демократия должна иметь прочные основания: развитые формы и институты культуры, образования, медицины, социальной защиты и т.п., обеспечивающие заботу государства о человеке. Иначе не понятно, кто будет осуществлять выбор. В условиях реальной демократии устремления общества и возможные сценарии его развития озвучиваются интеллигенцией, но персонафицируются в правителях, которые в идеале должны быть социально ответствен-

ными. Если есть у правителей желание сделать народ образованным (прежде всего молодежь), а не массой, тогда можно говорить о реальной демократии, если нет – тогда остается довольствоваться превращенными формами демократии.

Американские социологи и философы в начале XXI века также обращают внимание на различные явления кризиса социокультурной самоорганизации, снижение темпов и качества воспроизводства социального капитала. Восполнение социального капитала является сложным и исторически длительным процессом. Усилия правительств в данном вопросе редко оказываются эффективными. Закон, договор, экономическая целесообразность являются необходимым, но недостаточным условием развития. Ф. Фукуяма в книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» [10, с. 29] уточняет, что качество деятельности демократических институтов повышается, если они опираются на такие нормы как взаимодействие, моральные обязательства, ответственность перед обществом, доверие, которые формируются исторически культурной традицией, а не усилиями правительств и рациональным расчетом.

Таким образом, концептуализация понятий социального и человеческого капитала, а также акцентирование их взаимосвязи, позволяет выделить специфические ценности в качестве интенсивного фактора и ресурса цивилизационного развития общества в направлении прорывных достижений. Социально-философские подходы, представленные в работах Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, а также отечественных философов, являются важным шагом на пути осмысления данного процесса.

Список литературы:

- [1] Гончарко О.Ю. Логико-информационные образовательные технологии: программированное обучение // Научное мнение. – 2014, № 6. – С. 150–155.
- [2] Каверина Е.А. Феномен креатива: игры с целью // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 1. – С. 148–152.
- [3] Мурейко Л.В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009, № 117. – С. 126–134.
- [4] Переслегин С. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА., 2003. – С. 600–612.
- [5] Пигров К.С. Генезис постижения социума: горизонт и созерцание // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2011, № 4. – С. 4–8.
- [6] Романенко И.Б., Султанов К.В. Модернизационное и инновационное в современном университетском образовании // Философия права. – 2014, № 2(63). – С. 84–89.
- [7] Романенко Ю.М., Чулков О.А. Метафора и символ в культурном обращении // Метафизические исследования. – 1997, № 5. – С. 46–59.
- [8] Тумусов Ф.С. Семья и постиндустриальная цивилизация // Вопросы философии. – 2001, № 12. – С. 153–155.
- [9] Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М: АСТ: АСТ МОСКВА, 2004. – 575 с.
- [10] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 418 с.
- [11] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2003. – 598 с.